

На правах рукописи

Кретов Владислав Александрович

**КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЦАРСТВЕ
ПОЛЬСКОМ (1863–1872 ГГ.)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2025

Работа выполнена на факультете автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт Петербурге»

Научный руководитель: **Миллер Алексей Ильич,**
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

Матвеев Геннадий Филиппович,
доктор исторических наук, профессор, зав.кафедрой истории южных и западных славян истфака МГУ им. М.В. Ломоносова

Болтунова Екатерина Михайловна,
кандидат исторических наук, директор Института региональных исторических исследований факультета гуманитарных наук, профессор Школы истории ФГН НИУ ВШЕ

Ведущая организация: ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Защита состоится «12» ноября 2025 г. в __ час. на заседании диссертационного совета 24.1.042.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32А, (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.iviran.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссовета
доктор исторических наук

Тогоева О. И.

Общая характеристика работы

19 февраля (2 марта) 1864 г., в третью годовщину отмены крепостного права в России, Александр II подписал указы о крестьянской реформе в Царстве Польском. Царские указы о реформе в российской Польше были подготовлены главными авторами реформы в империи: Николаем Алексеевичем Милютиным, Юрием Федоровичем Самариным и князем Владимиром Александровичем Черкасским. Однако указы 19 февраля 1864 г. ни в коем случае нельзя назвать простым повторением отмены крепостного права в империи. Крестьянская реформа в империи не была распространена на Царство главным образом по двум причинам. Во-первых, в Царстве Польском действовал Кодекс Наполеона, а крестьяне получили личную свободу без земли и при сохранении повинностей в пользу помещиков еще во времена Герцогства Варшавского. Во-вторых, в Петербурге до Январского восстания 1863 г. сохранялось стремление к поиску компромисса с польской шляхтой, которое помимо прочего выражалось в сохранении остатков автономии Царства Польского. Проведение крестьянской реформы по сценарию российских властей в условиях продолжавшегося восстания знаменовало отказ от попыток примирения с польской шляхтой. Реформа с самого начала задумывалась как не только социально-экономический, но и **политический** проект. Крестьянская реформа 1864 г. положила начало ряду коренных преобразований в Царстве Польском, направленных на административную инкорпорацию края в империю и уничтожение местных институтов. Она также создала новую дискурсивную политику в отношении крестьянского населения Царства, которое реформаторы попытались воспитать в духе лояльности к царю и империи. Славянофильские идейные корни этой политики подробно описаны в историографии¹. Эта диссертация посвящена изучению бюрократической практики ее реализации и дальнейшей

¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 559–561; Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 435–444.

трансформации политики российских властных учреждений, созданных в ходе проведения Крестьянской реформы 1864 г.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом к теме управления западными окраинами Российской империи в долгом XIX веке, который прослеживается в актуальной историографии с рубежа 1990–2000-х гг. Политика имперских властей на этом пространстве столкновения империи с окраинными национализмами переосмысливается исследователями благодаря применению современных подходов к изучению национализма, символической политики, памяти, эмоций в истории, воображаемой географии и других тем, затрагиваемых в работах последних лет². Царство Польское и, в частности, политика в отношении польских крестьян представляют особенный интерес в этом контексте как «нетипичная» проблема проведения национальной и социальной политики в отношении территории и населения, которые не считались в Российской империи пригодными к обрусению и слиянию с национальным ядром. Царство Польское на протяжении всего своего существования было полем столкновения различных тенденций в политике имперской бюрократии на окраинах империи, а подавление восстания 1863–1864 гг. открыло небывалое окно возможностей для проектов социальной и культурной инженерии, обсуждавшихся в среде националистически настроенной части бюрократии.

Объект диссертационного исследования — политика властей Российской империи в Царстве Польском после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. **Предмет** исследования — кре-

² Отмечу лишь вышедшие в одном только 2022 г. монографию Е.М. Болтуновой о сюжетах, связанных с коронацией Николая I в Варшаве в 1829 г., русское издание работ Д. Сталюнаса о политике властей империи в Северо-Западном крае в период с подавления восстания 1863–1864 гг. до событий революции 1905 г. и коллективную монографию, посвященную месту Польши и польского вопроса в интеллектуальном пространстве Российской империи: *Болтунова Е.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022; *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022; *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2022.

стьянский вопрос в Царстве Польском в 1863–1872 гг.

В работе исследуется период подготовки крестьянской реформы (1863 г.) и работы Учредительного комитета в Царстве Польском (1864–1871 гг.), созданном в Варшаве специально для разработки реформ и контроля над их проведением. В **хронологические рамки** также входит первый год функционирования созданных в ходе реформы крестьянских институтов после упразднения Учредительного комитета (1872 г.). В случае с политикой в отношении греко-униатских крестьян хронологические рамки расширены до 1875 г., когда они были обращены в православие.

Методология и методика исследования. Политика российских властей, нацеленная на изменение идентичностей местного крестьянского населения в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг., изучается в диссертационном исследовании исходя из принципов историзма и научной объективности.

Исследование опирается на подходы и концепции, разрабатываемые главным образом в англоязычной историографии с 1970-х гг. в рамках научной традиции *nationalism studies*³. В рамках этой традиции нация и национальная идея в XIX в. понимаются в работе в конструктивистском ключе, как находящиеся в процессе их «воображения» (метафора нации как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона⁴) и «изобретения» (наиболее известна концепция «изобретения традиции», представленная в одноименном сборнике, изданном под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера в 1983 г.⁵). При этом обращено внимание и на устойчивое уклонение определенных групп населения от националистической мобилизации, которое было описано исследователями национализмов в Габсбургской монархии в долгом XIX в. при помощи концепции национального безразличия (*national*

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. М., 2002.

⁴ Андерсон Б. Указ. соч.

⁵ The Invention of Tradition / Ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge, 2000.

indifference)⁶.

При изучении процессов выработки политики российских властей в крестьянском вопросе и бюрократической практики на местах применяется ситуационный подход⁷. Он подразумевает необходимость учитывать роли всех возможных акторов, влиявших на ситуацию в регионе как изнутри, так и извне, будь то из столицы империи или из соседних империй, и позволяет отказаться от ограничения исследовательского внимания жесткими географическими рамками.

Для установления ключевых характеристик политики российских реформаторов в Царстве Польском и ее поставления в более широкий контекст имперского управления в исследовании применяется метод сравнения⁸. Для анализа осуществлявшейся под руководством Н.А. Милютин политика опоры российской власти в Польше на крестьянство особенно важен сравнительный контекст дискурсивной политики в отношении крестьян в монархии Габсбургов, где они традиционно воспринимались как лояльная императору (*kaisertreu*) группа населения.

Для анализа политики российских властей в отношении представителей различных этнических групп крайне важно последовательное различение процессов ассимиляции и аккультурации, предложенное на материале российской политики на западных окраинах империи Б. Натансом, А.И. Миллером и Д. Сталюнасом⁹. Таким образом удастся избежать объединения разнонаправленных политических программ в отношении раз-

⁶ King J. Budweisers into Czechs and Germans: A Local History of Bohemian Politics, 1848–1948. Princeton; Oxford, 2005; Judson P.M. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge; L., 2006; Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic Review. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 93–119.

⁷ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 17–35.

⁸ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015.

⁹ Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L., 2001. P. 11; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 57–80; Сталюнас Д. Указ. соч. С. 41–42.

личных групп населения под одним многозначным и недостаточно ясным понятием русификации.

Автор диссертации также дистанцируется от попыток описать национальную политику Российской империи на западных окраинах в долгом XIX в. в рамках концепции противостояния идеальных типов имперской и националистической политики, о чем с различными формулировками писали Э. Таден, В. Родкевич и Д. Сталюнас¹⁰. Более перспективным мне кажется выделение стратегий национальной политики в зависимости от того, на какие группы населения (на группы, считавшиеся частью русской нации, иноверцев или инородцев, на аристократию, национальную интеллигенцию или крестьян и т.д.) и на какой вид общественной мобилизации (националистическую, классовую или религиозную) она была направлена.

Степень изученности проблемы.

Дореволюционная отечественная историография

В историографии XIX – начала XX в. политика российских властей в крестьянском вопросе в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг., как правило, рассматривалась с позиций национальных нарративов. В российской официозной историографии имперского периода крестьянская реформа 1864 г. описывалась как царское благодеяние¹¹. Русские историки, придерживавшиеся националистических взглядов, особое внимание уделяли политике властей в униатском вопросе и противопоставляли ее политике в отношении польских крестьян как

¹⁰ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. Thaden E.C. Princeton, 1981. P. 8–9; Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, 1998. P. 13–16; Сталюнас Д. Указ. соч. С. 42.

¹¹ Moller de A. Situation de la Pologne au 1er Janvier 1865. P., 1865; Симоненко Г.Ф. Царство Польское сравнительно с Познанью и Галицией в отношении их успехов экономических, умственных и нравственных со времени крестьянских реформ 1848, 1850 и 1864 годов в этих провинциях: публичные лекции, читанные в Варшаве в зале Русского собрания в пользу Общества Красного креста. Варшава, 1878; Храевич В.И. Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском. СПб., 1906. С. 1–20; Корнилович М.И. Очерк крестьянской реформы в Привислинских губерниях. СПб., 1914.

часть национального дела, возвращение потерянной части русского народа его национального характера¹². Среди русских либеральных историков, напротив, был распространен критический взгляд на крестьянскую реформу, поскольку она, по их мнению, провоцировала дальнейшую русификацию Царства Польского и не могла окончательно решить задачу примирения края с российским правлением¹³.

Зарубежная историография конца XIX – первой половины XX в.

Уникальным в историографии конца XIX в. был взгляд на российскую политику в отношении крестьян Царства Польского французского историка А. Леруа-Больё, который стал первым биографом Н.А. Милютина. Он, не обращая большого внимания на демократические лозунги «милютинцев», которые приковывали к себе всеобщее внимание современников, указал на эгалитаристский характер их политики и даже на абсолютистские тенденции в методах проведения реформ¹⁴.

В польской историографии имперского периода существовало два идейных направления: сторонники конфронтации с Россией и партия так называемых «угодников» (от *пол. uroda* — соглашение), которые выступали за поиск компромисса с российскими властями. Представители обоих лагерей развивали поль-

¹² *Щебальский П.К.* Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1882; [*Гурко В.И.*] *В.Р.* Очерки Привислянъ. М., 1897; *Попов Н.* Судьбы унии в русской Холмской епархии. М., 1874.; *Батюшков П.Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887; *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подлясье). Сборник статей с предисловием И.П. Филевича. СПб., 1911.

¹³ *Карцов Е.* Аграрные отношения в Польше // Вестник Европы. 1882. Г. 17. Т. 6. Кн. 11. Ноябрь. С. 7–34; *Berg M.* Zapiski o polskich spiskach i powstaniach. Cz. X. Warszawa, 1906; *Погодин А.* История польского народа в XIX веке. М., 1915; *Корнилов А.А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб. 1905. С. 439–451; *он же.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. П., 1915.

¹⁴ *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite: Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). P., 1884. P. 267.

ский национальный нарратив и критиковали занимавшихся проведением крестьянской реформы русских чиновников за социалистические симпатии и русификаторскую политику. Для первых, однако, героями были польские повстанцы и пострадавшие от царских репрессий польские помещики и насильно обращенные в православие греко-униаты¹⁵, а для вторых — стремившийся до начала восстания 1863 г. к развитию польской нации в условиях компромисса с Российской империей маркиз Александр Велёпольский¹⁶.

С падения российской власти в Царстве Польском в 1915 г. до начала Второй мировой войны в польской историографии был представлен практически исключительно националистический нарратив об угнетении Польши царской властью и сопротивлении польского народа. Крестьянская реформа 1864 г. и политика российских властей в отношении крестьян Царства Польского чаще всего описывалась как безуспешная попытка уничтожения польской нации, которая, однако, причинила большой вред ее развитию¹⁷. Некоторые польские историки этого периода, не отказываясь от общей критической оценки российской политики в крестьянском вопросе, увидели положительные стороны крестьянской реформы в учреждении институтов крестьянского самоуправления и включении крестьян в общественную жизнь

¹⁵ [Przyborowski W.] *Z.L.S. Ostatnie chwile Powstania Styczniowego*. T. II. Poznań; Kraków, 1887; *Bańkowski E.* Ruś Chełmska od czasu rozbioru Polski. Lwów, 1887; *Likowski E.* Dzieje Kościoła Unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku. Cz. II. Warszawa, 1906.

¹⁶ *Спасович В.Д.* Жизнь и политика маркиза Велёпольского: Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882. С. 321–332; *Пильц Э.* Русская политика в Польше. Варшава, 1909.

¹⁷ *Brodowski F.* Reforma włościańska 1864 r. Warszawa, 1916; *Kaczkowski J.* Antyteza stosunków agrarnych w Polsce i w Rosji. Warszawa; Lublin; Łódź; Kraków, 1918. S. 26–67; [Kraushar A.] *Alkar*. Czasy szkolne za Apuchtina. Kartka z pamiętnika (1879–1897). Warszawa, 1916. S. 18–23; *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. T. III. Dzieje porozbiorowe. Warszawa, 1931. S. 233–236; *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. T. IV. Wyzwalanie ludów. Warszawa, 1931. S. 179–207.

края¹⁸.

Советская и польская марксистско-ленинская историография

Марксистско-ленинская традиция описания царской политики в крестьянском вопросе в Польше была создана учеными из Советского Союза и ПНР в 1950–1960-е гг. Восстание 1863–1864 гг. и крестьянская реформа 1864 г. рассматривались в ее рамках как переход от феодальной к капиталистической формации. В это время были наиболее подробно изучены практические стороны крестьянской политики российских властей в Польше: экономические аспекты и ход выполнения выкупной операции, наделения участками безземельных крестьян, упразднения вотчинных отношений в городах и преобразования некоторых городов в посады с распространением на них гминного самоуправления, а также отношение властей к праву крестьян на земельные недра и сервитуты (использование определенных помещичьих участков для крестьянских нужд — заготовки леса или выпаса скота). При этом советскими и польскими учеными была предпринята попытка выделить крестьян как некую третью силу в восстании, объединенную если не классовым сознанием, то каким-то интуитивным пониманием классовых интересов. В действительности как польские повстанцы, так и российские чиновники воспринимали крестьян прежде всего как объект своей политики и стремились использовать разрозненные крестьянские волнения в своих интересах¹⁹.

¹⁸ Kutrzeba S. Sprawa polska w Królestwie Polskiem 1815–1915. Lwów, 1916. S. 51–60; Świątochowski A. Historia chłopów polskich w zarysie. Cz. II. W Polsce podległej. Lwów; Poznań, 1928. S. 345–353, 443; Korduba M. Ukazy Jugenheimskie. Warszawa, 1931. S. 4–5, 14.

¹⁹ Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Powstaniu Styczniowym. Wrocław, 1953; *idem*. Teodor hrabia Berg — wielkorządca w feudalnym, czy też w burżuazyjnym stylu? // Między feudalizmem a kapitalizmem: Studia z dziejów gospodarczych i społecznych / Red. R. Czepulis-Rastenis, S. Kieniewicz, J. Leskiewiczowa, T. Lepkowski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 277–285; Halicz E. Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie Powstania Styczniowego. Warszawa, 1955; История Польши. Т. II / Под ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. М., 1955. С. 92–243; Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в

Личностный аспект в политике российских властей в Царстве Польском в историографии второй половины XX – первой четверти XXI в.

Большое внимание в историографии, как второй половины XX в., так и последних лет уделяется личностному аспекту российской политике в Польше. Существует большой комплекс биографических и просопографических исследований, посвященных авторам реформ и российской бюрократии в Царстве Польском²⁰.

Царстве Польском. М., 1962; *он же*. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк). М., 1994; Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem (Spór o reorganizację Królestwa Polskiego po roku 1863) // Kwartalnik Historyczny. 1962. R. 69. Nr 4. S. 891–906; *idem*. Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 roku. Warszawa, 1963; *idem*. Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza — realizacja — skutki. Warszawa, 1976. S. 118–209; Brodowska H. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904. Warszawa, 1967; Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974. S. 73–100; Kołodziejczyk R. Zamiana miast na osady w Królestwie Polskim // Miasta, mieszczaństwo, burżuazja w Polsce w XIX w. Warszawa, 1979. S. 34–41.

²⁰ Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem; Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg; Lincoln W.B. The Making of a New Polish Policy: N.A. Milyutin and the Polish Question, 1861–1863 // The Polish Review. 1970. Vol. 15. No. 1. P. 54–66; *idem*. Nikolai Miliutin an Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, 1977. P. 75–100; Нахлік Є. Варшавська служба Пантелеймона Куліша // Проблеми слов'язнознавства. 1995. Вип. 47. С. 3–24; Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999; Горюзонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 157–190; Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim: Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999; Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 135–166; Głębocki H. Kresy imperium: Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków, 2006. S. 146–363; Adamska I. Wpływ polskiej myśli na poglądy historyczne Pantelejmona Kulisza // Myślą i słowem: Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku / Pod red. Łukasza Adamskiego i Sławomira Dębskiego. Warszawa, 2014. S. 333–356; Górak A., Latawiec K. Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin, 2016; Горак А.,

Имперский поворот и возрождение польского национального нарратива в современной историографии

В ряде работ современных польских исследователей российские реформы в Царстве Польском после подавления Январского восстания по-прежнему рассматриваются с позиций польского национального нарратива об угнетении и сопротивлении²¹. Однако уже с 1980-х гг., а главным образом — в постсоциалистический период, в историографии получила распространение исследовательская оптика, направленная на изучение практик имперского господства на западных окраинах Российской империи с точки зрения осуществлявшей их имперской бюрократии, а не «пострадавшей стороны» — групп населения и/или институтов, против которых они были направлены. Такой взгляд представлен в работе Э. Тадена 1984 г., в которой он противопоставил милютинскую программу «органической трансформации» польского общества и политику русификации Польши, проводившуюся российскими властями после его отхода от дел²². В последующие десятилетия исследовательский взгляд «из империи на окраину» получил развитие в работах целого ряда исследователей из России, Польши и Литвы, посвященных политике

Лятавец К. Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 37–47; *Максимов А.И.* Деятельность российской гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг. Дис. ... канд. ист. н. Брянск, 2017; *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020. С. 171–198; *Суляк С.Г.* Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147; *он же.* Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108.

²¹ *Strycharska-Brzezina M.* Polskojęzyczne podręczniki dla klasy I szkoły elementarnej w Królestwie Polskim drukowane grażdanką. Kraków, 2006; *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2010. S. 256–354; *Smyk G.* An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX. Nr 1. S. 289–305.

²² *Thaden E.C.* Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984. P. 162–165.

российских властей в Польше²³.

В современной историографии по-прежнему преобладает консервативный подход к оценке российской политики в униатском вопросе. Она, как правило, изучается от лица жертв: греко-униатской церкви и части «упорствующих» в сохранении своей веры прихожан, которые продолжали свой скрытый протест против обращения в православие до принятия манифеста о свободе вероисповедания 17 (30) апреля 1905 г.²⁴ Единственным исключением в этом отношении служит статья Т. Викаса 1996 г. о принятии решения об обращении униатов в православие в 1875

²³ *Kozłowski J.* Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny*. 1998. T. 89. Nr 2. S. 233–250; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 470–521; *Успенский Б.А.* Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // *Историко-филологические очерки*. М., 2004. С. 123–173; *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006; *Нугалатий М.Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: Начальное и среднее образование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Leszczyński A.* Ludowa historia Polski: Historia wyzysku i oporu. Mitologia panowania. Warszawa, 2020. S. 336–343; *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 138–205; *Tarkowski M.* Kwestia włościańska i reforma sądowa Aleksandra II na łamach „Gazety Sądowej Warszawskiej” (1873–1915) — ocena z perspektywy poglądów Józefa Kasznicy na istotę prawa // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2024. T. 76. Z. 2. S. 105–125.

²⁴ *Lewandowski J.* Likwidacja obrządku greckokatolickiego w Królestwie Polskim w latach 1864–1875 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F*. 1966. T. 21. Nr 9. S. 213–244; *idem.* Na pograniczu: Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny 1772–1875. Lublin, 1996; *Glinka L.* Diocesi ucraino-cattolica di Cholm (Liquidazione ed incorporazione alla Chiesa russo-ortodossa) (Sec. XIX). R., 1975; *Szabaciuk A.* „Rosyjski Ulster” Kwestia Chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915. Lublin, 2013. S. 24–35; *Gil A.* Utracona szansa. Unici diecezji chełmskiej wobec rosyjskiego, polskiego i ukraińskiego ruchu narodowego (1815–1875) // *Radzyński Rocznik Humanistyczny*. 2014. T. 12. S. 97–112.

г.²⁵ Однако она рассматривает только последние месяцы и недели существования Холмской греко-униатской епархии. Таким образом можно заключить, что тема политики российских властей в отношении греко-униатского населения Царства Польского также представляет пространство для ревизионистского подхода.

Научная новизна. Хотя различные аспекты реформ и политики в крестьянском вопросе в Царстве Польском после подавления восстания 1863–1864 гг. длительное время приковывают к себе внимание исследователей, работа, посвященная бюрократической практике, стоявшей за реализацией проекта Н.А. Милютина по трансформации идентичностей крестьян, еще не написана. Исследователи, изучающие западные окраины Российской империи во второй половине XIX в. в рамках традиции *nationalism studies*, уже долгое время обращаются главным образом к истории имперского управления в Западном крае²⁶, где как имперские чиновники, так и польские, украинские, ли-

²⁵ Weeks T.R. The “End” of the Uniate Church in Russia: The *Vozsoedinenie* of 1875 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. H. 1 (1996). P. 28–40.

²⁶ Zasztowt L. Kresy 1832–1864: Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997; Rodkiewicz W. *Op. cit.*; Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011; Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 127–174; *он же*. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Staliūnas D. Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; N. Y., 2007; Сталюнас Д. Указ. соч. Из работ, рассматривающих национальную политику Российской империи в Царстве Польском, можно выделить лишь упомянутые в обзоре историографии работы А. Шабачука и М. Рольфа, а также исследование Т. Викаса о национальной политике в Привислинском крае и Западных губерниях в начале XX в.: Weeks T.R. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, 1996; Szabaciuk A. *Op. cit.*; Рольф М. Указ. соч.

товские и белорусские национальные активисты прежде всего руководствовались националистической идеологией. Изучение экспериментальной политики российских властей в Царстве Польском в этот период требует особого внимания не только к националистической идеологии, но и к апелляциям к сословным интересам крестьян, использовавшимся властями для привлечения их симпатий. Изучение этого смещения социального и национального дискурсов в политике российских властей и в особенности их применения в управлении краем может продемонстрировать разнообразие практик имперского управления на окраинах империи, которые не считались частью национальной территории.

Цель диссертационного исследования — проанализировать процессы выработки и реализации политики российских властей, нацеленной на воспитание имперской лояльности и трансформацию культурных идентичностей крестьянского населения Царства Польского, после подавления восстания 1863–1864 гг.

Задачи исследования:

1. Проанализировать подходы имперской власти и польской шляхты к решению крестьянского вопроса в Царстве Польском накануне восстания 1863–1864 гг.;
2. Проследить генезис политики российских властей в отношении крестьян Царства Польского в контексте борьбы Петербурга и польских повстанцев за крестьянскую лояльность;
3. Установить роль личностного фактора в процессе формирования властных структур, создававшихся с целью проведения крестьянской реформы;
4. Проанализировать официальный образ крестьянской реформы в подконтрольной Н.А. Милютину прессе в Петербурге;
5. Установить характер процесса выстраивания отношений российских чиновников с создаваемыми институтами крестьянского самоуправления;
6. Установить характер официальной коммуникации между имперской бюрократией и органами крестьянского самоуправления;
7. Установить масштаб эксперимента Н.А. Милю-

тина и А.Ф. Гильфердинга по формированию на основе крестьянского общества «другой польской нации» и проследить процесс его практической реализации;

8. Установить причины отказа от политики «славянофильского эксперимента» после отхода от дел его авторов и проанализировать новый политический курс в отношении крестьян Царства Польского, выдвинутый министром народного просвещения Д.А. Толстым;

9. Проанализировать политику российских властей в отношении греко-униатского населения Царства Польского — единственной группы населения в крае, в отношении которой российские чиновники вынашивали ассимиляторские намерения.

Источниковая база исследования. Исследование главным образом опирается на изучение официальных документов и материалов межведомственной и личной переписки, отложившихся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. Следствием российской политики 1860-х гг. в Царстве Польском, направленной на административную унификацию управления, стала чрезвычайная концентрация архивных документов из Варшавы в Петербурге, как по причине отправке документов в столицу в рамках делопроизводственных процессов, так и благодаря ликвидации автономных институтов и передаче их архивов центральным ведомствам. В рамках исследования активно привлекались документы из ряда ведомственных фондов (РГИА. Ф. 1270: Комитет по делам Царства Польского; Ф. 821: Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД; Ф. 733: Департамент народного просвещения; Ф. 1291: Земский отдел МВД; ГА РФ. Ф. 109: Третье отделение С.Е.И.В. канцелярии; Ф. 110: Штаб Отдельного корпуса жандармов) и личных фондов ключевых российских политических деятелей, задававших направление имперской политики в Царстве Польском (РГИА. Ф. 869: Милютин; ГА РФ. Ф. 547: Ф.Ф. Берг; ОР РГБ. Ф. 327: Черкасские; Ф. 610: П.А. Шувалов; ИРА. Z. 84: W. Platonow).

К важнейшим опубликованным источникам относятся публикации документов, как подготовленные самими российскими

чиновниками в процессе проведения реформ²⁷, так и изданные советскими и польскими историками в 1960–1970-е гг.²⁸ Также в исследовании активно привлекаются публицистические тексты А.Ф. Гильфердинга, одного из авторов образовательной реформы и проекта перевода польской письменности на кириллицу²⁹; воспоминания Д.А. Милютина, военного министра в 1861–1881 гг. и брата Н.А. Милютина³⁰; записки А.И. Кошелева, славянофила, члена Учредительного комитета и директора Правительственной комиссии финансов в Варшаве в 1864–1866 гг.³¹; и дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в 1861–1868 гг.³²

Ключевым источником для изучения официальных образов реформы, занимавшихся ее проведением российских чиновников и крестьян Царства Польского были материалы газеты Военного министерства «Русский инвалид». Также привлекались отдельные материалы газет «Голос», «Весть» и «Neue Preußische Zeitung» («Kreuzzeitung»), а также журналов «Русский вестник» и «Холмский месяцеслов».

Все использовавшиеся для работы источники в типологическом отношении относятся к письменным источникам. В пред-

²⁷ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. 21 т. Варшава, СПб., 1865–1873; Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению, произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. Т. 1, 2, 4. СПб., 1863, 1864; *Dziennik Praw*. Tom 62, 63. Warszawa, 1864, 1865.

²⁸ Крестьяне и крестьянский вопрос в Восстании 1863 года. По материалам Радомской губернии / Red. Tomu: S. Kieniewicz i I. Kostiuszko. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962; Переписка наместников Королевства Польского: Август 1863–май 1864 / Red. tomu: S. Kieniewicz, I.S. Miller. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.

²⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. Т. II. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868; *он же.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871.

³⁰ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864, 1868 – начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003, 2006.

³¹ *Кошелев А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М., 2002.

³² *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т. I, II / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1961.

ставленном обзоре источников представлены все пять традиционно выделяемых видов источников: законодательные, делопроизводственные, публицистические, мемуарные и эпистолярные³³. В делах ведомственных архивных фондов представлены законодательные и делопроизводственные источники. В делах личных фондов представлены все пять видов источников. В публикациях документов и правительственных указов представлены законодательные и делопроизводственные источники. Издание сочинений А.Ф. Гильфердинга и представленные в обзоре брошюры и материалы периодической печати относятся к публицистическим источникам. Публикации воспоминаний Д.А. Милютин, дневника П.А. Валуева и записок А.И. Кошелева относятся к мемуарным источникам.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Политика трансформации идентичностей крестьянского населения Царства Польского была выработана и начала воплощаться на практике в рамках крестьянской реформы 1864 г. и последовавших за ней преобразований, проведенных под руководством Н.А. Милютин националистической «партией» имперской бюрократии и приближенными к ней интеллектуалами славянофилами, в результате борьбы за лояльность крестьян, которая в открытом виде вспыхнула в 1863 г. между имперской властью и польскими повстанцами.
- 2) Проведению крестьянской реформы сопутствовала пропагандистская кампания, которая должна была подчеркнуть не только благотельный характер царских указов, но и политическую и экономическую субъектность крестьян. Российские чиновники изображали «пробуждение» крестьян к гражданской жизни и стремились сделать их опорой имперской власти в крае.
- 3) Непосредственное взаимодействие чи-

³³ Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия История России. 2016. № 1. С. 14–15.

новников крестьянских комиссий и военных начальников с крестьянами осуществлялось в парадигме дисциплинирования органов гминного самоуправления. Этому сопутствовала система символической коммуникации крестьян с облагодетельствовавшим их монархом, осуществлявшаяся при посредничестве чиновников крестьянских комиссий и Учредительно-го комитета в Варшаве.

4) С 1864 до начала 1870-х гг. развивались три различных политических проекта в отношении идентичностей крестьян Царства Польского. Параллельно со «славянофильским экспериментом» Н.А. Милютина по созданию иного польского национального проекта на основе крестьянского самосознания и дистанцированию немецкого и литовского населения от польского культурного влияния уже с конца 1864 г. развивалась националистическая политика князя В.А. Черкасского и его последователей, нацеленная на русификацию униатов, которых сторонники этой политики считали «оторванной» частью русского народа. Процесс русификации начального образования для крестьян и делопроизводства в гминных институтах был начат в рамках усилий В.А. Черкасского по защите русского характера униатов и продолжен в ходе полномасштабной административной русификации, проводившейся с 1867 г. под руководством министра народного просвещения Д.А. Толстого. Новая политика Д.А. Толстого была нацелена на включение Царства Польского в имперское культурное пространство и окончательно порвала с идеями трансформации местных идентичностей. Социальные барьеры, выстроенные между польскими крестьянами и высшими слоями польского общества в рамках крестьянской реформы, при этой смене политического курса были сохранены.

Теоретическая значимость работы. Материалы и положения диссертационного исследования представляют ценность для осмысления принципов имперской политики на окраинах и ме-

ханизмов взаимодействия имперской бюрократии с различными группами населения в ходе проведения Великих реформ 1860-х гг.

Практическая значимость работы. Результаты работы могут быть использованы исследователями национальной и социальной политики российских властей в Царстве Польском и, шире, на западных окраинах Российской империи во второй половине XIX в. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов для программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по истории России и региона Центральной и Восточной Европы XIX в.

Апробация исследования. Автором диссертационного исследования подготовлены 4 статьи для ведущих российских научных журналов по истории из перечня ВАК или рецензируемых в Scopus и Web of Science. Более широкий контекст изучаемых в диссертации процессов исследован автором в статье для сборника «Европейские войны Российской империи» Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ключевые положения диссертации были представлены в докладах на 5 конференциях всероссийского и 1 конференции международного (ПИФ-2024) уровня, а также в докладах в рамках Семинара для молодых ученых Института региональных исторических исследований ВШЭ и межуниверситетского научного воркшопа «Polonica».

Часть результатов диссертационного исследования достигнута при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: Пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)», выполнявшегося в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Структура и основное содержание работы. Работа построена по проблемному принципу, состоит из введения, трех глав, поделенных на параграфы, заключения и списка источников и литературы. В 1 главе кратко изложена предыстория крестьянской реформы 1864 г., изучены процессы инструментализации крестьянской лояльности властями и польскими повстанцами в ходе Январского восстания, а также генезис программы реформ Н.А. Милютина. 2 глава посвящена взаимодействию имперской бюрократии с созданными в ходе крестьянской реформы инсти-

тутами гминного самоуправления и политике воспитания крестьянской лояльности русскому царю, от имени которого они были наделены землей. 3 глава фокусируется на политике трансформации национальных идентичностей в отношении различных групп крестьянского населения Царства Польского.

Глава 1. «Формирование новой системы управления Царством Польским в ответ на восстание 1863–1864 гг.» посвящена процессу подготовки и проведения крестьянской реформы в Царстве Польском. Реформа описывается в главе как механизм, запустивший масштабные преобразования в структуре управления Царством Польским. Новая политика опоры российской власти в крае на крестьянство знаменовала отказ от поиска компромиссов с польской шляхтой и вела к упразднению остатков автономии Царства Польского.

В первом параграфе рассматриваются поиски Петербургом и элитами Царства Польского решения крестьянского вопроса, которое могло бы устроить обе стороны, в годы, предшествовавшие Январскому восстанию 1863 г. В первые годы правления Александра II инициатива в поиске решения крестьянского вопроса в Царстве Польском была предоставлена польским помещикам. В 1859 г. работа над проектами перевода крестьян с барщины на чинш (оброк) была поручена Земледельческому обществу, которое действовало в Варшаве под руководством графа Анджея Замойского. После заявления Замойским требований передать бывшие владения Речи Посполитой в империи Царству Польскому и патриотических демонстраций в Варшаве и других городах Царства в 1861 г. сотрудничество Петербурга с Земледельческим обществом было прекращено, и разработку проектов преобразования Царства поручили маркизу Александру Велёпольскому. Он подготовил проекты обязательного очиншевания и выкупа чиншей крестьянами, однако не успел реализовать их из-за начавшегося 22 января 1863 г. восстания.

Во втором параграфе рассматривается борьба российских властей и польских повстанцев за симпатии крестьянского населения Царства Польского. Отмечается неудача попыток националистической мобилизации крестьян со стороны польских повстанцев. Однако и российские власти не смогли воспользоваться крестьянскими волнениями в начале 1863 г. для борьбы с по-

встанческим движением, как это делали австрийские власти против польских повстанцев в 1846 г. в Западной Галиции и против венгерского революционного правительства в 1848–1849 гг. в Трансильвании. Поворот к политике опоры на крестьянство произошел с поручением осенью 1863 г. подготовки крестьянской реформы Н.А. Милютину. Подготовленные в кратчайшие сроки указы о реформе были подписаны Александром II 19 февраля (2 марта) 1864 г. В параграфе рассмотрены представления реформаторов о мировоззрении и политических симпатиях крестьян, сложившиеся у них после объезда сельских местностей Царства в октябре 1863 г. при подготовке указов, а также в первые месяцы работы крестьянских комиссий, которые были созданы для проведения реформы и взаимодействия с крестьянами на местах. Также рассмотрены процессы знакомства новых русских чиновников с представителями институтов крестьянского самоуправления, созданных в рамках гминной реформы, и основные задачи, которые ставили перед собой реформаторы. Наиболее масштабной задачей, которую поставил перед реформаторами Н.А. Милютин стало формирование из польских крестьян «другой» польской нации, которая была бы лояльна русскому царю и враждебна старой «шляхетско-католической» нации.

В третьем параграфе рассмотрены властные структуры, которые были созданы в Царстве Польском российскими чиновниками в процессе подготовки и проведения крестьянской реформы. Уделено внимание противостоянию «милютинцев» и консервативной «партии» в Варшаве, во главе которой стоял наместник в Царстве Польском граф Федор Федорович Берг. Также рассмотрены вопросы комплектации новых бюрократических структур, в частности, нереализованная идея приглашения чиновников из Пруссии и приглашение украинофилов и чиновников русского происхождения из империи.

Сделан вывод, что проведение крестьянской реформы российскими чиновниками из «националистической партии», возглавляемой братьями Н.А. и Д.А. Милютиными, при условии исключения сотрудничества с польскими помещиками демонстрирует претензию на выполнение цивилизаторской миссии (*mission civilisatrice*), какой не заявляла прежде ни одна русская

властная группа в Польше.

Глава 2. «Политика воспитания крестьянской лояльности посредством гминных институтов» посвящена политике воспитания крестьянской лояльности посредством прямого взаимодействия российских чиновников с крестьянскими гминными институтами.

В первом параграфе рассмотрен процесс формирования образа лояльного польского крестьянина на страницах газеты Военного министерства «Русский инвалид». «Русский инвалид» был главным печатным органом «националистической партии» Милютиных в 1860-е гг. Продемонстрирован процесс сознательного конструирования образа, когда неудобные детали из внутриведомственных документов опускались или приукрашались, а любое позитивное изображение взаимодействия с польскими помещиками было прямо запрещено комиссарам по крестьянским делам Н.А. Милютиным. Подчеркивается акцент на субъектности крестьян, которые изображались как сознательные и благодарные подданные царя. Несмотря на усилия Милютина и его соратников, в 1866 г. произошло постепенное ослабевание интереса столичной публики к крестьянской реформе в Царстве Польском из-за новых громких событий: покушения Дмитрия Каракозова на Александра II и войны между Австрией, Пруссией и Италией.

Во втором параграфе взаимодействие русских чиновников крестьянских комиссий и уездных военных начальников с представителями органов крестьянского гминного управления рассматривается с точки зрения их дисциплинирования. Рассматриваются случаи конфликтов крестьян с властями, и проблемы в отношениях руководителей гмин и сельских обществ, и членов гминных судов с жителями подчиненной им территории, а также реакция реформаторов на возникавшие эксцессы. Сделан вывод о несамостоятельности гминного управления и полной его зависимости от российских чиновников как при выборе должностных лиц, так и при решении ими дел.

В третьем параграфе взаимодействие гминных институтов и крестьянских комиссий рассматриваются как система символической коммуникации российских властей с крестьянами Царства Польского. Сообщения от комиссаров еженедельно попада-

ли на высочайшее рассмотрение с минимальным количеством посредников. В таких условиях комиссары поощряли выражения крестьянской благодарности монарху, от чьего имени они были наделены землей. В качестве своего рода проверки крестьянской лояльности подробно рассматриваются празднования первых годовщин крестьянской реформы и первые рекрутские наборы в Царстве после подавления восстания 1863–1864 гг. В конце 1860-х гг. символическая коммуникация крестьян Царства Польского с императором была прекращена. Упразднение Учредительного комитета и подчинение крестьянских комиссий МВД поставили крест на возможности символической коммуникации крестьян с императором, но не изменили коренным образом функционирование и взаимодействие комиссий и гминных институтов. В это же время со страниц столичных газет пропал образ лояльного польского крестьянина. Однако представление о лояльном польском крестьянине закрепилось в умах российской бюрократии в Царстве Польском и сохранялось на протяжении последующих десятилетий российского управления краем.

Сделан вывод, что как практики дисциплинирования гминных администраций и судов, так и системы образности и символической коммуникации, созданные в ходе проведения крестьянской реформы в Царстве Польском стали одними из главных основ репрезентации российской власти в Польше в последующие десятилетия.

Глава 3. «Политика идентичности в отношении крестьян в Царстве Польском» посвящена процессу выработки и бюрократической практике реализации проектов трансформации идентичностей крестьян Царства Польского.

В первом параграфе рассматриваются проекты создания культурных барьеров между крестьянами и высшими слоями польского общества в дополнение к социальным барьерам, возникшим в рамках крестьянской реформы 1864 г. Первым таким проектом стала подготовленная Александром Федоровичем Гильфердингом реформа образования, в основе которой лежала идея разделения школ по этническому принципу с преподаванием на основном языке гмины. Милютин и Гильфердинг отказывались от намерений русифицировать образование ради ослабления польского культурного влияния на русинских и литовских

крестьян. Роль культурного барьера между польскими крестьянами и помещиками по замыслу реформаторов должна была играть новая кириллическая графика для польского языка. Напечатанные в новой графике буквари и книги для народного чтения предполагалось распространять исключительно среди крестьянского населения Царства. В процессе реализации проекта перевода польского языка на кириллическую графику российским чиновникам удалось добиться распространения больших тиражей букварей и книг для народного чтения, однако проект был внезапно свернут после пережитого Н.А. Милютиным в конце 1866 г. инсульта и последовавшей за этим отставки Милютина и В.А. Черкасского.

Во втором параграфе рассмотрен переход к политике административной русификации образования и управления, осуществленный под руководством министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого в конце 1860-х гг. Д.А. Толстой призвал отказаться от представления о крестьянах как о главной опоре российской власти в Польше и вернуть политические цели в образование. Главными агентами русского влияния в Царстве Польском снова стали чиновники Министерства народного просвещения, которые занялись переводом образования на русский язык. Это знаменовало отказ от попыток сформировать новую польскую идентичность. Главной задачей стала аккумуляция населения Царства Польского, его включение в общееимперское культурное пространство. Толстой также изменил отношение российских чиновников в Царстве к немцам, которые перестали считаться лояльной группой после победы Пруссии в войне с Австрией в 1866 г., и евреям, которые стали новой потенциальной лояльной группой. Распространение гминного самоуправления на малые города и местечки, обращенные в конце 1860-х гг. в посады также изменило институты, которые создавались «партией Милютина» как барьеры, отделявшие проектируемую «другую польскую нацию» от «шляхетско-католической нации». В результате городской реформы в состав гминных управлений вошло большое количество мещан и евреев, что также усложнило контроль властей над гминными администрациями и судами.

В третьем параграфе рассматривается ассимиляторская поли-

тика в отношении униатского населения Царства Польского, которую начал проводить В.А. Черкасский в 1865 г. параллельно с экспериментом Н.А. Милютина по формированию «другой польской нации». Греко-униаты Царства Польского воспринимались придерживавшимися националистических взглядов русскими чиновниками как часть русского народа, оторванная от него польским влиянием. Власти отрицали субъектность «угнетенных», «бедных» и «невежественных» униатов. Этим дискурсивная политика в отношении униатского населения принципиально отличалась от политики в отношении остальных крестьян Царства Польского. Жесткое давление властей в вопросах русификации образования и обрядовой реформы вызывало усиливающееся сопротивление части униатов Царства Польского (главным образом в Седлецкой губернии). Попытки В.А. Черкасского и седлецкого губернатора Степана Степановича Громеки повторить политику, которая привела к «воссоединению» греко-униатской церкви в империи с православием в 1839 г., не удалось из-за сопротивления епископа Иоанна Калинского и поддерживавшей его части униатского духовенства. Выбранная властями конфронтационная националистическая стратегия имела свою логику развития и привела в ситуации очередного резкого обострения конфликта к насильственной ликвидации Холмской греко-униатской епархии.

Сделан вывод, что в отношении вопросов этничности в Царстве Польском на протяжении 1860 – начала 1870-х гг. развивалось три различных политических проекта: эксперимент с созданием нового польского национального проекта Н.А. Милютина и А.Ф. Гильфердинга; националистическая политика В.А. Черкасского и его последователей в отношении униатов, похожая на меры, предпринимаемые М.Н. Муравьевым и К.П. Кауфманом в отношении «русского элемента» в Северо-Западном крае; и административная русификация управления и образования, которая была нацелена на унификацию края и переречкнула усилия Н.А. Милютина по выстраиванию культурных контуров новой польской нации, но продолжала опираться на институты, созданные в качестве социальных барьеров между крестьянами и высшими слоями польского общества.

В **Заключении** работы на основе проведенного исследования

сформулированы следующие выводы:

Крестьянская реформа 1864 г. и последовавшие за ней преобразования Н.А. Милютина кардинальным образом изменили взаимоотношения российских властей с крестьянами и положили конец попыткам имперской власти найти *modus vivendi* с польской шляхтой.

Обращение властей в Петербурге к реализации проектов решения польского вопроса, выдвигавшихся некоторыми представителями славянофильского движения, стало реакцией на попытки польских повстанцев привлечь крестьянское население края к участию в восстании.

Ключевые тезисы пропаганды милютинской крестьянской реформы — представления о благодарности за освобождение и верности польских крестьян русскому царю, а также об их роли противовеса вредному влиянию высших слоев польского общества в качестве консервативного элемента — закрепились в умах российской бюрократии в крае и оставались основой репрезентации имперской власти в Польше на протяжении последующих десятилетий.

В основе практического взаимодействия членов крестьянских комиссий и местных военных начальников лежала парадигма дисциплинирования. Российские чиновники не боялись конфликтов с крестьянами, постоянно демонстрировали готовность сочетать меры убеждения и насилие, а также были склонны к директивному управлению созданными в рамках крестьянской реформы гминными институтами. Однако взаимодействие бюрократии и крестьян не ограничивалось опекой, контролем, и принуждением: на протяжении первых нескольких лет работы Учредительного комитета большое внимание уделялось актам символической коммуникации крестьян с монархом, от имени которого провозглашались все общие или локальные меры, направленные на улучшение жизни крестьян или поощрение их за проявление лояльности. Как и система образности, эта символическая коммуникация, потеряв свой регулярный характер, пережила авторов крестьянской реформы и воспроизводилась в последующие десятилетия в форме установки крестьянами памятников российским императорам и прочих спорадических актов выражения лояльности и памяти об освобождении от повин-

ностей и наделении землей российскими властями.

В основании выполненного в славянофильском духе проекта польской идентичности должны были лежать лояльность российской монархии и начала самоуправления — «принципы гражданственности». Диктаторские методы проведения реформ сочетались с демократическими идеалами, постепенному проведению в жизнь которых они должны были служить. Логика нациестроительства более явственно проговаривается реформаторами в польском сюжете, чем в случае с обоснованием реформ в России, но это позволяет полнее понять общую логику Великих реформ.

Люди, организовавшие реформы в Царстве Польском, были главными авторами крестьянской реформы 1861 г. в империи, а более широкий круг их сторонников в столичных бюрократических ведомствах и прессе занимался проведением и идеологическим обоснованием Великих реформ 1860-х гг. В историографии долгое время было принято делать акцент на либерализме авторов Великих реформ. В ходе проведения реформ в Царстве Польском наиболее полное выражение нашли другие стороны взглядов Н.А. Милютина и его соратников: националистические тенденции и склонность к опоре на диктат бюрократии. Сочетание националистического воображения, обращенного к низшим слоям народа демократизма и, выражаясь словами самого Н.А. Милютина, «диктаториальных» методов в бюрократической практике на несколько лет сделало действительной основой российской политики в Польше славянофильские идеологические установки, область применения которых на протяжении долгого времени была ограничена печатной полемикой. Даже частичного их воплощения на практике оказалось достаточно, чтобы сформировать новую систему репрезентации российской власти в Польше, которая с минимальными изменениями просуществовала до начала Первой мировой войны.

Пересмотр политики Милютина в крестьянском вопросе, последовавший за его отходом от дел, в действительности был сведен к отказу от наиболее амбициозных целей «славянофильского эксперимента» по выстраиванию культурных барьеров между крестьянами и высшими слоями польского общества. Вместо формирования новой польской национальной идентичности чиновники Министерства народного просвещения под руковод-

ством министра народного просвещения Д.А. Толстого занялись административной русификацией образования. При этом социальные барьеры между крестьянами и высшими слоями польского общества были сохранены.

Принципиальный разрыв с политикой воспитания лояльности крестьян Царства Польского и трансформации их культурных идентичностей прослеживается только в случае с действиями властей в униатском вопросе, где они руководствовались исключительно националистической логикой и в значительной степени копировали политику русификации считавшихся частью русской нации белорусских и малорусских крестьян в Западном крае.

Научно-справочный аппарат диссертации включает: постраничные сноски, список использованных источников и литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, включенных в перечень ВАК или рецензируемых в Scopus и Web of Science:

1. *Кретов В.А.* Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 427–453. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22 (BAK).
2. *Кретов В.А.* Конструирова лояльного крестьянина: политика Учредительного комитета в крестьянском вопросе в Царстве Польском (1864—1871 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 4 (138). URL: <https://history.jes.su/s207987840030894-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840030894-2. (Scopus, WoS — Q1).
3. *Кретов В.А.* Имперские власти и польские повстанцы в борьбе за лояльность крестьян в Австрии и России в XIX веке // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2024. № 2. С. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2024.203> (Scopus, WoS — Q3).
4. *Кретов В.А.* Польская кириллица и протонародное чтение: славянофильский эксперимент по воспитанию культурной лояльности польских крестьян (1864–1867) // Новая и новейшая история. 2025. № 4. С. 95–109. (Scopus, WoS).

Статьи в других изданиях:

5. *Кретов В.А.* Образы России в пропаганде польской эмиграции в Западной Европе (1839–1864 гг.) // Европейские войны Российской империи: сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 139–166.